

ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА *ИГРАТЬ* В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

ИННА Ю. САМОЙЛОВА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Октябрьская, 5, 230000 Гродно, Республика Беларусь
e-mail: samina2004@mail.ru
(получено 18.07.2015; принято 05.10.2015)

Abstract

**A portrait of the verb *to play* in the mirror of languages
(based on data from Russian, Belorussian and English languages)**

The article touches upon one of the ways of semantic verb field modeling — S.M. Prokhorova's vertical syntactic field theory, by means of which conceptual verbs *играть, гулять, гуляць, граць, to play* are described in Russian, Belarussian and English.

Key words

Linguistic world-image, semantic field, verb, actantial frame, standard frame, vertical syntactic field.

Резюме

В статье рассматривается один из способов моделирования семантического глагольного поля — теория вертикального синтаксического поля С.М. Прохо-

ровой, посредством которого описаны концептуальные глаголы *играть/гулять* в русском, *гуляць, граць* в белорусском и *to play* в английском языках.

Ключевые слова

Картина мира, семантическое поле, глагол, актантная рамка, стандартный фрейм, вертикальное синтаксическое поле.

Отношение к глаголу как к особой лексеме имеет давнюю традицию.

Исследователи, определяя глагол, выделяют процесс, состояние и отношение как основной семантический признак данной части речи, ибо он позволяет предметную действительность, понятийную реальность представить в полной динамике. «Глагол, как лексико-грамматический класс слов, является одним из важнейших элементов грамматики организованного высказывания, а этим и языка, и его коммуникативной функции»¹. Таким образом, при помощи глагола выражается динамика и статика. Динамика проявляется как изменение, развитие, процесс, действие, деятельность, «происшествие»² и так далее (подробнее в³). Можно утверждать, что глагол выражает широкий круг значений, поэтому однозначно не определяется.

В работе мы принимаем трактовку Бранко Тошовича, который считает, что «глагол (...) характеризует (не)одушевленный предмет через действие, которое он совершает, через состояние, в котором он находится, или через отношение, в которое он вступает с другим предметом»⁴.

Уже Вильгельм фон Гумбольдт отмечал, что глагол — «нерв самого языка», это «не что иное, как сама сущность связей»⁵.

Важнейшей семантической характеристикой глагола, считают многие современные исследователи, является то, что он выступает в функции предиката, ядром предикации в предложении. Поэтому его определяют как предикат: «Глагол мы определяем как сложную (комплексную) единицу Словаря, обозначающую, во-первых, некоторый предикат, во-вторых, некоторый семантический признак имени (терма-субъекта или объекта), входящего в этот предикат в цельном предложении»⁶.

¹ А.В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Морфология. Ч. 1. Братислава: Словацкая академия наук, 1960, с. 7–8.

² А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996.

³ Е.В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. с. 31.

⁴ Б. Тошович. *Глагольный категориал*. *Das verbale Kategorial*. Opole: Uniwersytet Opolski — Graz: Universität Graz, 1998.

⁵ В. фон Гумбольдт. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984. с. 199–200.

⁶ Ю.С. Степанов. *Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва: Наука, 1981. с. 115.

Анна Анфилофьевна Уфимцева видит особенность номинативной функции глагола в том, что:

значение глагола раскрывается (...) через установление связей с предметными словами⁷, а это при анализе семантики глагола заставляет исследователей выходить за пределы самого глагола и анализировать отношения между действием и его субъектом или объектом. «В глагольных лексемах, выражающих по существу понятие отношения, соотношение денотата и сигнификата, как правило, не укладывается в рамки только глагольной лексемы. Понятие отношения, характерное для семантики глагольных лексем, конкретизируется (...) субъектно-объектной локализацией глагольного действия, т.е. раскрывается в терминах синтагматических взаимосвязей агенса, производимого им действия и объекта, на который оно распространяется, направлено и т.п.»⁸.

Отсюда следует, что значение глагольных лексем состоит из двух частей — семантики собственно глагола и значений предметных имен, вследствие чего суть значения глагольных лексем раскрывается прежде всего в минимальных лексических синтагмах. Эту особенность семантики глагола лингвисты определяют как «семантическую ненасыщенность». Именно это имеет в виду Юрий Сергеевич Степанов, говоря, что «предикаты — самая несемантическая из категорий», что «предикаты — это особые семантические сущности языка, и они типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме пропозициональных функций и соответствующих им структурных схем предложения»⁹.

Глаголы могут отобразить широкий спектр значений, характеризующий компоненты определенных положений дел и событий ситуации. Своими признаками они «ориентируются на отражение процедурального значения и способа бытия объектов во времени и пространстве». О том, что глаголы «кодируют те ситуации, которые относятся к способам бытия, задействованных в них объектов», говорят Джордж Миллер и Филип Джонсон-Лэрд, подчеркивая при этом важность признака ± изменения во времени¹⁰. Иными словами, глагол фиксирует либо статичную ситуацию, в которой отношения объектов друг к другу не изменяются, либо динамическую, где описываются изменения одного объекта или объектов по отношению ко времени, другим объектам и пространству.

Юрий Дереникович Апресян отмечал: «Подобно тому, как внутреннее (психическое) состояние человека проявляется физиологически, «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении»¹¹.

⁷ А.А. Уфимцева. *Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики)*. Москва: Наука, 1986. с. 117.

⁸ Там же, с. 59.

⁹ Ю.С. Степанов. *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука, 1985. с. 133.

¹⁰ G.A. Miller, Ph. N. Johnson-Laird. *Language and perception*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press 1976. с. 60–82.

¹¹ Ю.Д. Апресян. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука, 1967. с. 24–25.

По мнению Светланы Михайловны Прохоровой, глагол, являясь свернутой пропозицией, содержит в себе макет предложения, а денотатом глагола является определенная ситуация¹².

Соломон Давидович Кацнельсон подчеркивал, что в «содержательном плане глагольный предикат — это нечто большее, чем простое лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения»¹³. Вспомним, что еще в 1887 году Алексей Афанасьевич Дмитриевский писал: «Сказуемое (прежде всего глагол — И.С.) есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него получают свой смысл и значение»¹⁴. Следовательно, глагол оказывается точкой пересечения синтаксиса и семантики, фиксируя их слияние.

Ганс Герингер, говоря о новых подходах к исследованию глагола, подчеркивал переосмысление центрального статуса глагола — от его синтаксического обоснования к семантическому: «Центральный статус глагола заключается в его организующей силе... Глагол определяет число актеров (актантов) и их роли... Конкретные глаголы по-разному вводят участников в игру в зависимости от значения глагола»¹⁵.

Каждый глагол при этом предполагает знание всей ситуации и активизирует при употреблении соответствующий когнитивный фрейм. Следовательно, значение глагола распространяется на слова, «находящиеся в сфере его интересов». Люсьен Теньер назвал его глагольным узлом, который, по его мнению, является центром предложения¹⁶, и определял узел как совокупность, состоящую из управляющего слова (глагола) и всех тех слов, которые — прямо или косвенно — ему подчинены и которые он в некотором роде связывает в один пучок¹⁷. В состав глагольного узла входят актанты («живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного») и сирконстанты (обстоятельства, в которых разворачивается процесс). Вслед за Теньером Тошович говорит о внешней и внутренней семантике глагола. «Внутреннюю семантику образует значение глагола, внешнюю — значение неглагольных лексических единиц». Эти два компонента составляют, по Тошовичу, глагольный семантический комплекс¹⁸.

Для описания взаимодействия глагола и имен, окружающих его, были введены понятия категориальной ситуации, сцены, падежной рамки (фрейма), ко-

¹² С.М. Прохорова. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции*. [В:] *Die grammatischen Korrelationen*. Hrsg. B. Tošović. Graz: GraLiS, 1999. s. 291–298.

¹³ С.Д. Кацнельсон. *Типология языка и мышление*. Ленинград: Наука, 1972, с. 85.

¹⁴ А.А. Дмитриевский. *Практические заметки о русском синтаксисе*. «Филологические записки» 1887. Вып. IV, с. 22–23.

¹⁵ H.J. Heringer. *Neues von der Verbzene*. [В:] *Pragmatic in der Grammatic*. Hrsg. G. Stickel. Düsseldorf: Schwann-Bagel, 1984, с. 48–49.

¹⁶ Л. Теньер. *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс, 1988. с. 117.

¹⁷ Там же, с. 23.

¹⁸ Б. Тошович. *Глагольный категориал...*, с. 35.

торая понималась как унифицированная конструкция знания или связанная схема опыта. Фрейм (падежная рамка) характеризует некую сцену или ситуацию так, что определение семантики глагола и всего высказывания связывается с восстановлением самой описываемой ситуации. При этом «падежная рамка не обязана охватывать описание всех релевантных аспектов ситуации, она включает только конкретный «кусочек» или «участок» ситуации. Изучение семантики есть изучение когнитивных сцен, которые создаются или активизируются высказываниями. Всякий раз, когда говорящий употребляет какой-либо один из глаголов, относящихся к событию, вводится в игру («активизируется») вся сцена события, но при этом конкретно выбранное слово налагает на данную сцену конкретную перспективу»¹⁹. Марвин Минский указывал, что «фрейм можно представить себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними», которые «могут быть дополнены различными отношениями»²⁰.

На сегодняшний день именно в лексической грамматике синтаксическому окружению глагола при описании его семантики отводится первостепенная роль.

Бет Левин и Малька Раппопорт Ховав определяют синтаксические конструкции, в которых встречаются глаголы, как проекции (рефлексии) их лексических свойств²¹.

Следовательно, в рамках современных семантических теорий представление о значении слова рассматривается на фоне более широкой структуры, исследуются сочетаемостные возможности слова, выявляются компоненты значения в свете его парадигматических связей, рассматривается в целом ситуация, для называния которой необходимо данное слово. Такие приемы при толковании предлагал использовать Апресян в *Лексической семантике*²², предполагая, что они помогут выявить выходящие за рамки денотата компоненты значения. Анна Вежбицкая полагает, что описание концептуальной, а не денотативной структуры значения — основа современной лексикографии²³. Более того, исследователь предлагает в словарях описывать не только денотат и концепт лексемы, но и стереотипы, прототипы, то есть рассматривать каждое слово как входящее в определенный фрагмент языковой картины мира.

Для многих исследователей большой интерес представляют глаголы, характеризующие различные ипостаси человека.

Понятие *человек* является одним из наиболее сложных понятий. В последнее время когнитивная лингвистика делает попытки наиболее адекватно описать это сложнейшее понятие, входящие в него концепты, концептуальные (базовые) метафоры и т.п. Тема эта неисчерпаема. Для иллюстрации достаточно

¹⁹ Ч. Филлмор. *Дело о надежде открывается вновь*. «Новое в зарубежной лингвистике» 1960. Вып. X, с. 518–519.

²⁰ М. Минский. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979.

²¹ B. Levin, M. Rapoport Novav. *Wiping the slate clean. A lexical semantic exploration*. [B:] *Lexical and Conceptual Semantics*. Cambridge MA — Oxford UK, 1995, с. 123–152.

²² Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика*. «Избранные труды». Т. 1. Москва: Восточная литература Российской академии наук, 1995.

²³ A. Wierzbicka. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

привести несколько определений слова. *Словарь русского языка АН (Малый академический словарь)* приводит несколько определений, основным из которых является: «Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда». *Оксфордский словарь английского языка (Oxford Learner's Dictionary)* предлагает следующее определение понятия human (human being): «a person rather than an animal or machine».

Иное представление о человеке предлагается, к примеру, в концепции Розенкрейцеров: «Человек — это триединый дух, обладающий разумом, посредством которого он управляет триединым телом, которое он эманировал из себя для приобретения опыта. Это триединое тело он преобразовывает в триединую Душу, работой которой он выращивает себя из немощности до всемогущества»²⁴.

В этих определениях на первое место выходит *Homo sapiens*, выделяющий человека из животного мира. Далее наблюдаются расхождения, ибо в концепции Розенкрейцеров основной работой является работа Души, а также человеческий опыт, в то время как в *Словаре русского языка* упор делается на создание орудий и пользование ими, т.е. на создание вещей. Таким образом, *Homo faber* — человек созидающий — представлен в разных ипостасях — созидающий себя (концепция Розенкрейцеров) и созидающий материальные ценности (*Словарь русского языка*).

Разные концептуализации влияют на носителей культур и носителей языков, ибо «язык связывает людей в этническую общность через концепты»²⁵.

Концепты могут выявляться и в концептуальных (базовых) метафорах, которых по отношению к человеку функционирует великое множество: человек — игрушка для бога (Платон); человек — смеющееся животное (Аристотель) и т.д. Наиболее распространенной среди них является человек — царь природы, альтернативу которой в свое время предложил Симеон Полоцкий в стихотворении *Ното*: «Человек есть пузырь, стекло, лед, небылица, прах, сено, сон, грош, глас, звук, ветер, цветок, ничто, чтоб его и королем называли»²⁶.

Наиболее ярко характеризуют человека концептуальные глаголы, ибо человек познается по делам его. При этом большое место отводится человеку играющему — *Homo ludens*. Впервые человека играющего описал Йохан Хейзинга²⁷. Он отметил, что не все языки сформировали это общее понятие, несмотря на то, что все народы играют удивительно похоже (но имеют и неэквивалентные национальные игры). Именно Хейзинга отметил, что общее слово для индоевропейской семьи языков отсутствует. Но во всех языках, отмечает Хейзинга,

²⁴ М. Гендель. *Космогоническая концепция Розенкрейцеров*. Кн. 1. Переведено с англ. изд. 1911 г. Санкт-Петербург, 1996, с. 67.

²⁵ В.В. Морковкин. *Ментально-лингвальный комплекс и языковая номинация*. [В:] *Языковая номинация. Тезисы международной научной конференции*. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 1996, с. 16.

²⁶ С. Полоцкий. *Вириши*. Минск: Мастацкая літаратура, 1990, с. 194.

²⁷ Й. Хейзинга. *Homo ludens*. Москва: Прогресс, 1992.

утвердилась антиномия 'игра — серьезное', что нашло отражение и в русском языке: *играть* — *трудиться, работать*.

Славянские языки Хейзинга не рассматривал.

Известно, что поле глагола представляет собой весьма сложное образование, являясь одновременно и семантическим, и синтаксическим, поскольку именно глагол, являясь свернутой пропозицией, чаще всего является предикатом.

Все исследователи отмечают наличие в структуре лингвистического поля (как семантического, так и функционально-семантического) центра (ядерной зоны) и периферии. Ядро поля нередко расширяет свои контуры как количественно, так и качественно за счет периферийных элементов. Естественно, что элементы периферийной зоны обнаруживают такие свойства, как малая стабильность, способность к переходу либо в центр данного поля, либо на периферию другого поля. В таком постоянном взаимодействии ядра и периферии заключается причина динамичности поля, его исторической изменчивости.

Наиболее полно и адекватно систематизировать семантическое пространство, номинируемое глаголами позволяет, на наш взгляд, теория вертикального синтаксического поля, разработанная С.М. Прохоровой²⁸.

Данная теория базируется на общей теории поля, а также на вербоцентрической теории предложения Теньера, фрейм-грамматике Минского, понятии синтаксической парадигмы Бенджамина Ли Уорфа и др.

Сущность теории заключается в следующем. Глагол, в основном своем значении (под которым понимается, вслед за Ежи Куриловичем, значение вне контекста) задает определенную актантную рамку (фрейм), которая, в свою очередь, может передать некоторые семы своего глагола другому глаголу, попавшему в данную актантную рамку. Например, попадая в актантную рамку «агенса — прямой объект — адресата», любой глагол получает сему 'передача' (ср.: *говорить брату правду, читать стихи другу* и т.п.).

При изменении семантики глагола меняется его стандартный фрейм, он может получать дополнительные слоты. При этом происходит частичная аппликация глагольных семантических полей. Именно таким образом, по мнению Прохоровой, осуществляется неавтономная вторичная номинация глаголов.

Подобную «способность глагола в каждом отдельном языке и речи перемещаться по актантным рамкам, изменяя таким образом значения и попадая на периферию других семантических глагольных полей» Прохорова предложила обозначить термином *вертикальное синтаксическое поле глагола*²⁹. Возможность перемещения по актантным рамкам глагол имеет лишь при наличии потенциальных или ассоциативных сем, выявить которые помогают компоненты фрейма — вертикальные синтаксические поля субъекта, объекта и различных обстоятельств. Вертикальное семантическое поле глагола можно представить как совокупность ЛСВ глагола, которые он приобретает, перемещаясь по раз-

²⁸ С.М. Прохорова. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции*. [В:] Hrsg. В. Тошović. *Die grammatischen Korrelationen*. Graz: GraLiS, 1999, с. 291–298.

²⁹ Там же, с. 88.

ным актантным рамкам и попадая, в том числе, на периферию других семантических глагольных полей.

Русский глагол *играть* выявляет объединяющие с неславянскими языками семы 'замещение', 'движение', 'состяжание', 'веселое', 'беззаботное', 'противоположное серьезному'. Как и в других языках, играют не только дети, взрослые, животные (*Homo ludens* объединяет человека с животными), но и солнце, драгоценные камни, блики воды и т.д., и в том числе судьба. Если сравнить русский глагол *играть* с близкородственным белорусским, а также английским, то выявляется, что представление о *Homo ludens* в языках не в полной мере совпадает.

Так, в центре поля *Homo ludens* в русском и белорусском языках функционируют два глагола *играть*, *граць* и *гулять*, *гуляць*³⁰, в английском один *to play*, вертикальные синтаксические поля которых не полностью совпадают.

В значении 'замещения' в смысле 'играть на сцене', 'исполнять роль' в трех языках функционирует глагол *играть* — *граць* — *to play*. Этот же глагол используется в смысле 'играть на музыкальных инструментах'. Однако актантные рамки полностью совпадают лишь в русском и белорусском языках *кто-то играет на чем-то*.

При глаголе *играть* — *граць* — *to play* первым актантом может становиться музыка и инструмент (несколько инструментов — оркестр): *Музыка играет* — *Гармошка грае*. Для английского языка такое построение конструкции нетипично, хотя альбом одного из американских музыкантов называется «*A guitar plays the blues*». В некоторых случаях в английском языке выступает фразеологическое *to play these condifiddle* (играть вторую скрипку).

Интересным, на наш взгляд, является использование глагола *to play* в значении 'воспроизводить': *Some TV's play movies on a USB stick*.

Хейзинга подчеркивал, что древние причисляли музыку к воспитанию, формированию и даже образованию. По Хейзинге, в музыке нет ни необходимости, ни пользы, она служит единственно использованию свободного времени, досуга, который древние считали началом всего.

В белорусском языке глагол *гуляць* сохранил это важнейшее понятие: у него есть общее значение 'проводить досуг': *Запрашаем да нас гуляць /пагуляць; Будзем разам гуляць*.

Английский язык также допускает использование значения 'проводить досуг': *Let's play together!*

Сема 'досуг' как дополнительная проходит через все конструкции с рассматриваемыми глаголами в языках: *мы гуляли два дня*, т. е. не работали, были свободными от работы.

Расхождения в вертикальных синтаксических полях наступают и в актантных рамках *кто-то... во что-то/у што-небудзь/something* в значении 'проводить досуг, развлекаться', 'заниматься какой-либо деятельностью несерьезно'. Так, в русском и белорусском языках *играть*, *гуляць* могут сочетаться с актантами, вводимыми как предлогом *в(во)*, *у*, так и предлогами *с*, *з*, в английском

³⁰ С.М. Прохорова. *Русские концептуальные глаголы играть, гулять в зеркале белорусских*. «Вестник Минского государственного лингвистического университета» 1997, № 2, с. 18–24.

возможен только вариант *to play with*: *мальчик играет в игру, мальчик играет с игрушками/сестрой* — *a boy plays with his toys/sister*.

В актантной рамке русскому глаголу *играть* соответствует белорусский *гуляць*, сохранивший в белорусском языке и общее значение проведения досуга: *играць/гуляць* (с сестрой, кошкой, собакой); *играць/гуляць* (с братом в шахматы).

Иногда развлечение становится опасным, и люди *играют с огнем*, то есть рискуют. Игра и риск тесно примыкают друг к другу, о чем свидетельствует английский *to play Russian Roulette, to play with fire*.

В русском языке глагол *гулять* в актантной рамке *кто-то... с кем-то* получил значение 'находиться в любовных отношениях', т. е. выявилась оппозиция *любить* 'серьезно' — *гулять* 'несерьезно': *Он гуляет* с его женой. Отсутствие актанта *с кем-то* придает глаголу значение 'вести распутный образ жизни': *Муж/жена гуляет*.

В русском и английском языках при глаголе *играть* — *to play* может выступать актантная рамка *кто-то... кем/чем*. Значения различаются в зависимости от того, какими существительными заполняется актант *кем/чем*. Если выступает конструкция типа *играть людьми* либо *играть чувствами*, то реализуется значение 'относиться несерьезно'; если выступает конкретное существительное *играть ручкой, чайной ложкой*, реализуется значение 'обращаться как с игрушкой'. В последнем случае в качестве первого актанта может выступать животное: *Кот играет хвостом, ушами, мячиком / a cat is playing with a ball*. Если первым актантом становится существительное, обозначающее часть тела человека, то иногда глагол *играть* может переходить в поле глаголов интеллектуальной деятельности (*играть своей головой* 'думать'), эмотивной деятельности (*играть глазами* 'кокетничать' и *играть лицом* 'проявлять чувства').

В английском языке глагол *to play* в актантной рамке *somebody у plays somebody* в зависимости от наполнения получил значение 'притворяться кем-либо, прикидываться' — *to play a fool, to play a comedian*. Наличие актанта *something* придает глаголу фразеологическое значение 'вести себя как', характеризующую манеру поведения человека — *to play ostrich* (вести себя как страус).

Глаголы *играть/гулять* могут приобретать оценочное значение, становиться синонимом глаголов *кутить, развлекаться, очень сильно веселиться: гулять на празднике, на свадьбе* и т.д., что не характерно для английского языка.

В английском языке в роли второго актанта при глаголе *to play* может выступать существительное шутка (*a joke*). В этом случае глагол приобретает значение 'шутить', 'разыгрывать', 'подшучивать': *He often plays a joke on his brother*.

Так как сема 'движение' является одной из основных для *Homo ludens*, глагол *гулять/гуляць* в русском и белорусском языках может переходить и в поле глаголов движения, при этом сема 'досуг' сохраняется: *гулять/гуляць на улице, около дома* и т.п. Глагол может получать значение 'перемещение в разных направлениях'. В русском языке это связано с представлением о широких пространствах, а потому гулять может и болезнь: *Грипп гуляет по стране*.

Со значением перемещения связан историзм *Гуляй-город*. Так в XVIII веке в России называли передвигавшееся на колесах или полозьях боевое сооружение со щитами и бойницами, применявшееся в осадной и полевой войне.

Глагол *to play* в английском языке также может переходить в поле глаголов движения и получать значение ‘перемещение в определенном направлении’: *a fireman played the water on the burning roof*; ‘повторяющееся движение или действие’: *he plays lights over the dance floor*.

Кроме того, в английском выражении *to play a fish* глагол *to play* приобретает значение ‘барахтаться, истощая себя перед тем, как быть вынутой из воды’, т.е. находится в поле глаголов движения.

В некоторых случаях глагол *играть* входит в состав фразеологически связанных выражений и клише: *играть ферзем* (в значении ‘делать ход’), *играть первую скрипку* (в значении ‘быть главным’), *играть на нервах* (в значении ‘злить кого-то’), *играть в молчанку* (в значении ‘не разговаривать’).

Еще Хейзинга отметил, что *Homo ludens* должен занять место рядом с *Homo faber* — человеком созидующим. В русской языковой картине мира высшим проявлением *Homo faber* в отдельных случаях является *Homo ludens*: *играть топором, серпом* ‘легко, без усилий обращаться с инструментом’, что находит подтверждение во фразеологизмах либо фразеосхемах — *топор/серп играет в руках*.

Человеческая культура, считал Хейзинга, возникает и разворачивается подобно игре, о чем свидетельствует и концептуальная (базовая) метафора *мир — театр*.

В русском, белорусском и английском языках играют дети, взрослые и животные, но в русском (даже по сравнению с близкородственным белорусским) языке подобно играющему человеку ведет себя значительно больше субъектов. Играет *рыба* ‘выпрыгивает из воды’, играет *воображение*, играет *солнце, луч, звезды; драгоценные камни, бриллианты* ‘сверкают’; *вино, шипучие напитки* ‘пенятся, кипят, искрятся’. Играет *судьба* (судьба играет человеком). В последнем случае это можно рассматривать как разновидность древнейшей метафоры *Бог играет человеком*. Отсюда платоновская метафора *человек — игрушка для бога*. Вместе с тем Платон считал игры, посвященные богам, высшим назначением человека. В последнем случае мы вступаем в область сакральных игр, учитывая оппозицию сакральное — профанное.

По сравнению с русским и белорусским языками, в английском языке наблюдается намного меньше субъектов, ведущих себя подобно человеку. Например, *a smile plays, a fountain (or a similar source of water) plays*.

Русское *играть свадьбу* также отражает древнейшие представления о сакральном характере многих игр.

Подводя итог, можно отметить, что вертикальные синтаксические поля глаголов *играть/граць* и *гулять/гуляць* / *to play* в русском, белорусском и английском языках выявляют как сходства, так и тончайшие различия, без учета которых невозможно владение языками, а также невозможно составить представление о менталитете народов.

Значение ‘совместное проведение досуга’ свойственно только белорусскому глаголу *гуляць*. Русский и английский языки не выражают такого значения с помощью одной глагольной лексемы. Вместе с тем сема ‘досуг’ как дополнительная свойственна глаголам в трех языках.

Вертикальное синтаксическое поле глагола *играть* глубже в русском языке, которому свойственна конструкция *играть кем/чем* с целым рядом значений. Именно эта языковая структура выявляет соприкосновения *Homo ludens* и *Homo faber*.

Глаголу *играть* в русском языке свойственна антиномия, что выявляет вертикальное синтаксическое поле глагола. Так, с одной стороны, глагол *играть* имеет значение 'развлекаться, отдыхать' (*играть в игры*), а с другой — 'трудиться, работать упорно' (уметь играть на музыкальном инструменте невозможно без работы; актеру требуется много сил для исполнения роли и т.д.).

Значительно отличается в русском языке левая валентность глагола играть.

Этимологи считают, что глагол *играть* и существительное *игра* общепринятой этимологии не имеют, относят их к общеславянской лексике и считают, что существительное *игра* образовано с помощью суффикса *-ра* от основы *иг-*, которая соотносится с греческим *agos* — 'священный трепет'. Предполагается, что слово *игра* первоначально могло иметь значение 'восхваление и умилование божества пением и пляской'³¹. Для доказательства приводим русское диалектное *играть песни*, широко распространенное на всей территории России. На севере России распространено словосочетание *играть хоровод*.

Как следует из проанализированного материала, образ *Homo ludens* не совпадает в разных языках.

Литература

- Апресян Ю.Д. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука, 1967.
- Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика. Избранные труды*. Т. 1. Москва: Восточная литература Российской академии наук, 1995.
- Вежицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари, 1996.
- Гендель М. *Космогоническая концепция Розенкрейцеров*. Кн. 1. Переведено с англ. изд. 1911 г. Санкт-Петербург, 1996.
- Гумбольдт В.О. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984.
- Дмитриевский А.А. *Практические заметки о русском синтаксисе*. «Филологические записки» 1887. Вып. IV, с. 22-23.
- Исаченко А.В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Ч. 1. Братислава: Словацкая академия наук, 1960.
- Кацнельсон С.Д. *Типология языка и мышление*. Ленинград: Наука, 1972.
- Минский М. *Фреймы для представления знаний*. Москва: Энергия, 1979.
- Морковкин В.В. *Ментально-лингвальный комплекс и языковая номинация*. [В:] *Языковая номинация. Тезисы международной научной конференции*. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 1996.
- Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Полоцкий С. *Вириши*. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.

³¹ Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1961, с. 124.

- Прохорова С.М. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции* [В:] Hrsg. V. Tošović. *Die grammatischen Korrelationen*. Graz: GraLiS, 1999. с. 291–298.
- Прохорова С.М. *Русские концептуальные глаголы играть, гулять в зеркале белорусских*. «Вестник Минского государственного лингвистического университета» 1997, № 2, с. 18–24.
- Степанов Ю.С. *В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: Наука, 1985.
- Степанов Ю.С. *Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва: Наука, 1981.
- Теньер Л. *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс, 1988.
- Тошович Б. *Глагольный категориал. Das verbale Kategorial*. Opole: Uniwersytet Opolski — Graz: Universität Graz, 1998.
- Уфимцева А.А. *Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики)*. Москва: Наука, 1986.
- Филлмор Ч. *Дело о надежде открывается вновь*. «Новое в зарубежной лингвистике» 1960. Вып. X, с. 518–519.
- Хейзинга Й. *Ното ludens*. Москва: Прогресс, 1992.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т. В. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1961.
- Heringer H.J. *Neues von der Verbzene*. [В:] Hrsg. *Pragmatic in der Grammatic*. G. Stickel. Düsseldorf: Schwann-Bagel, 1984, s. 48–49.
- Levin B., Rappaport Hovav M. *Wiping the slate clean. A lexical semantic exploration*. [В:] *Lexical and Conceptual Semantics*. Cambridge MA — Oxford UK, 1995. с. 123-152.
- Miller G.A., Johnson-Laird Ph.N. *Language and perception*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1976.
- Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.